

ВАЛЕРИЙ КАРТ

СТИХИ

КНИГА 4

Валерий Карт

Стихи. Книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38977513

ISBN 9785449362902

Аннотация

Стихи мариупольского поэта Валерия Карта, написанные после 1990 года и вплоть до настоящего времени. Лирика, песни, поэтический взгляд на историю и собственный город – все это есть в стихах Валерия Григорьевича Крахмалюка, моего друга и соседа. Анатолий Анимица.

Стихи

Книга 4

Валерий Карт

Редактор Анатолий Антонович Анимица

© Валерий Карт, 2018

ISBN 978-5-4493-6290-2 (т. 4)

ISBN 978-5-4493-4482-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Карт
Книга четвертая
1991 —

Держитесь!

«По дорогам пыль густая,
Вдоль дорог – покос,
Сторона моя родная,
Милая, до слез...»
Аленке

Полуулыбка на твоём лице,
Полунамек и полуоткровенье,
Ты наяву, отнюдь не сновиденье,
Стоишь потупясь на своём крыльце.
Печаль стекает на покатошь плеч:
Ушел, обидел, не сказав ни слова.
Слеза сверкает на ланитах снова.
О, как её от горя уберечь?
Струится вечер синий меж домов,
Гроза стихает за далекой рощей.
И виден молний искрометный росчерк,
И в утешенье не хватает слов!
Не комкай губы, нежная печаль,
Не торопи, не искушай надежду.
А ветер – пострелец, лихой невежда,
Уносится в сиреневую даль.

Держитесь!

Держитесь!
Всякий за себя,
Один лишь Бог за всех...
Любите ближних, не любя,
И верьте в свой успех.
Спешите!
Поцелуй сорвать
Случайный неслучайно.
И полно, полно уповать
На мессу со свечами...

Мужайтесь!
Слезы ни к чему
Ни в жизни, ни в петле.
Господь уверовал в Фому
И радость на Земле.
Молитесь,
Братия Руси
И в храмах, и в тюрьме!
Помилуй, Господи, спаси,
Не исчезай во мне.

Чудо-Млечному,
В колеснице пророка
Тяготеем к Востоку.
Наслаждаясь полетом
На коврах-самолетах,
Бродим валко и шатко
Мы по лунным ландшафтам.
Каждым чувственным нервом
Мы душою с Венерой
И попутно, и разом
Познакомим вас с Марсом..
Мы – столетий элита
Жизни вечной, орбитной,
И поверьте, не поздно
Нам шарахаться в звездах.
И ничуть не жалеем,

Что в родстве с Водолеем...
И лелеем, как пленниц,
Мы вселенских Медведиц.
Учим «азы» и «веди»
Старых новых созвездий
И бессмертию внемля,
Любим матушку Землю,
Но, почуяв вдруг запах,
Гончих Псов шлем на Запад.

За околицей гармонь
В тишину роняет звуки.
Как тревожно от разлуки
В этот вечер голубой.
На истоке трех дорог
Бабье лето задержалось,
Ночь спешит, какая жалость,
Нас не греет свежий стог.
На жнивье упал туман,
Заходило сердце сладко,
Целовались не украдкой,
Ах, какой хмельной дурман!
Акварельная луна,
Словно голая девица,
Хорошо, что нам не спится,
Ночь желанием полна.
Гармонист устал играть,
Кисеей луна укрылась,

Как же это все случилось,
Мы устали понимать!

Как тоскливо ветер воеет
В стылой, слякотной ночи.
В полутьме сидим, нас двое,
Тихо думаем, молчим.
Шевелит цветок лампы
Вечных мучеников лик,
Звук чарующей лампы
В городском саду затих.
Неразборчивые тени,
Тени движутся, живут,
Чудно как, пропали стены,
Небеса вдали плывут...
Власть отдать готова осень
Снежной матушке зиме.
Мы Спасителя попросим
И не вслух, а на уме:
Силы Духа, силы Слова
И терпения в Любви.
Завывает ветер снова,
С толку сбить нас норовит...

Не грусти, подруга, попусту,
Не грусти, прошла весна...

Небо – выцветшею простыней,
Осень красками красна.
Что задумано, не сбудется,
Время – только отдавать...
Кто-то, может, не заблудится
И успеет все объять.
Мы ходили не тропинками,
Руки вскинув к небесам.
Нас не мучили под пытками,
Пытка пушая – я сам.
И верстою стервенелою
Шли открыто, не таясь
И везде старались первыми
Протоптать и снег, и грязь.
А сегодня запорошило
Снегом буйные виски.
Где же ты, моя хорошая?
Я извелся от тоски...
За тобой спешу в нездешние,
Занебесные края...
Надоела вдруг неспешная,
Жизнь ненужная моя...

Приснился ночью страшный сон
И липкий, как смола, и темный.
В нем выли ветры в унисон
Собакой тощей и бездомной.
Среди уродливых осин

По болотине бродят твари,
Из жутких топей и трясин
Кивают безобразья хари.
Попал к чертям, как кур в ошип,
Дрожу на кочке, как на плеши.
Вокруг шипенье, вой и всхлип,
А на суку хохочет леший.
За что сия планида мне?
Не пил, не крал, не хаял беса,
А пот ручьями по спине
От ужасов ночного леса.
Поверь, нет худа без добра,
Я поднатужился, поверил,
Дожил, бедняга, до утра,
Перекрестил иконой двери.
И дед мой, немощен и стар,
Прошамкал ртом на ухо тихо:
«Чтоб ночью не попасть в кошмар,
Не накликай под вечер лиха...»

Из плена долгов и налогов
И рыночных тяжких забот
Себя тороплю понемногу,
Все грустное – брошу за борт.
Отрину ненужные споры,
Машину поставлю в гараж
И вздрогну в кафе до упора
До важного самого аж!

За милых пью дам и немилых
Брюнеток, блондинок и беж...
Оркестра плывут они мимо
И столиков следуют меж.
И с мордой лица нерутинной
Кадрю и снимаю подруг.
О чудо, походкой утиной
Аннет приближается вдруг.

Неопалимая купина
Явилась мне в дороге...
Я не готов, нет времени и сил,
Бросаю скудный скарб
С утра в телегу-дроги
И ухожу туда,
Где плещет мутный Нил.
Язычеством измучена Расея,
Изменой робких душ и слабых тел,
Судьба ведет дорогой Моисея,
Но торжествует власти беспредел.
Привычной стала кровь,
Холера и чума,
Могильный червь жирует...
Выходит – в глаз и в бровь —
От злата без ума, толпа пирует.
Уходит страшный век,
Конец тысячелетью
И мы почти в аду...

Купины вещей свет,
То розами, то плетью
Держись, отец! Иду!

Ах, друг мой, псина, славный Шон,
Тебе я предан в год Собаки.
Залижем раны после драки
Под тихий несобачий стон.
Люблю, хочу я всякий день
Смотреть в глаза твои собачьи.
Ты держишь взгляд, а это значит
Любить друг друга нам не лень...
Как славно лапу мне даешь
Пожать рукою человечьей!
И обнимаешь так за плечи,
Что каждый раз по телу дрожь.
И в этой жизни не предашь:
Ты – пес, ты Шон, а не Иуда.
Пожалуй, будем жить, покуда
Не скажет небо нам: «Шабаш!».

Не стремись верхом на кресло,
Не тупи о кресло шпоры,
В конной скачке, как известно,
Дай коню простор, не шоры!
Развернем в строю казачьем

Стяг победный против ветра,
За комэском мы поскачем
В бой кровавый, в стиле ретро.
А печальные мозоли
На руках, заду и бедрах
Летним утренним озоном
И загаром в стиле вёдро...
Как порой нам не хватает
Пенья пули мимо уха,
Конной брани, словно в стари,
Боевого вкуса духа.
Рассупоним дружно чресла:
Зад – в седло и – вскачь наметом...
Не заменят чудо-кресла
Эскадронные заботы.
Коллегам

Всё Иваны мы, да Марьи,
Плюрализма суета.
Отправлюсь весенней хмарью,
Дух трепещет – лепота!
Пугачевскому серьяге
Ложку дегтя на ведро
Медовухи или браги,
Чтоб куражилось нутро.
На Днестре, Урале, Яне
Солидарность – не замай!
Раскуражились славяне,
Расплескали Первомай...

Эй, шеренги, подравняйтесь,
Мозг России, класса соль
И сердца, соединяйтесь
Через отчаянье и боль.
Нам нерыночную мордой
Не прорваться в «братство» стран,
Назовись ты хоть Раймондой,
Хоть Креститель Иоанн.
Женским цветом утро красит
Кумачом да кумачом...
Выводи колонны, Разин,
Строй дружины, Пугачев!

Раздираю себя от гармонии,
Сострадаю, страдаю, даю,
Будоражат эфир благовония
И церквей, и тюремных кают.
На спасешься, чудак, на открестишься
От острога и стыдной сумы,
Наша жизнь – полушаткая лестница,
Не спасешься от злобной чумы.
Заставляю себя успокоиться,
Пролетаю, летаю, таю,
Перестройка терновая колетя,
Где ты, птица моя Гамаюн?
Растерзаю себя, перемучаю,
Продерусь через тысячу бед
И, надеясь на исповедь лучшую,

Обуздаю кобылу побед...

Вечерний сон

Все едино в поднебесном мире,
Все едино, ты уж мне поверь.
Ветер струны шевелит на лире,
Жалуется скорбно коростель.
Серый и погасший день уходит,
Тяготит дремучая тоска,
Незнакомый пес на огороде
На прохожих мучает оскал.
Шалая вода кресты ломает
Ветхонькой часовни над рекой,
Все едино, только грудь сжимает
Непонятный ныне непокой.
Вечереет. Тихою зарницей
Отлетает ввысь моя душа
И луна – известная блудница
Непристойно-жутко хороша.
Жива молитва

Старушка на углу иконой
Благословляла всех подряд,
Не зря в народе говорят:
«во благо на Руси поклоны»
Вокруг погоста суета,
Кипела жизнь слезой и смехом,
Блаженный бомж светил прорехой,

Молитвой поминал Христа.
И зябко кутались дома
В лохмотья серого тумана,
Хотелось верить без обмана
Душой голимой, без ума.
И припадая к алтарю,
Свечами греем божьи лики
И шевелятся чудно блики,
Встречая раннюю зарю.
Живет молитва и без слов,
Поверьте, люди мне, поверьте!
А в куполах, беснуясь, ветер
Блажил на сотню голосов.

Неприятный разговор,
Ворох сплетен,
Не картежный перебор —
Шалый ветер.
Перед вечностью в долгу
Неоплатном,
Не забуду жадность губ
Многократно.
Не устану повторять
Твое имя,
Из огня любви нырять
В хлад полымя.
Не объемлю головой
Не повинной,

Рву любви своей рукой
Пуповину.

Не приятный разговор, Не до смеха,
Жив, курилка, до сих пор, Вот потеха!

Тайно, робко, несмело
К Вам душою влекусь,
Изабель, Изабелла —
Мой сиреневый вкус.
Ты, что ветка сакуры,
И стройна, и гибка
Я не с Вами покуда,
Не со мной Вы пока.
Дочь полярных сияний
И снежинок сестра,
Не пугайся признаний
У мужского костра.
Успокой свое тело,
Не грусти, не дрожи...
Изабель, Изабелла
У полночной межи.
Пригуби поцелуем
Долгожданный чорон
Серебро полнолуныя
Отражает кулон.
Забивает дыханье
И глаза мать – метель...
Подари мне признанье,

Изабель, Изабель.
Пригуби любви чорон...

Все нынче сатаной отмечены,
Златой телец смутил людей.
Воистину скандалы вечные
Мир будоражат всякий день...
В нас, в каждом – Моцарт и Сальери
Горазды все блажить и врать.
Раскроем занавеси, двери
И станем Гамлета играть!
Привыкли к незрелым путчам,
От соприсутствия бежим,
И что нам хуже, а что лучше,
Скажи, кудесник, подскажи...
Но пустоты страшит шершавость
И черных дыр утробный зов.
Закончен век – какая жалость,
Конец надежд, конец оков!
Волнуют жимолости слезы
И в ясный день жасмина снег,
Но как всегда, шипы и розы
В венец вплетает человек.

Теряет листья календарь,
Как лес осенний,
Снегами балует январь
Земли посева.

Меняет вывеску апрель,
Дрожит подснежник,
Тоскует жалобно свирель
Напевом нежным.
Под солнцем глянцево горят
Березы листья,
Природы бережный наряд —
Сирени кисти.
В траву роняет спелый плод
Лукавый август,
Дурманит хмелем огород,
Готовит радость.
Худеют к ноябрю листья,
Полынь под снегом
И волчьей ягоды кусты
Грозят побегом.
Беги, родимый, не беги.
Декабрь крадется.
По жемчугам лихой пурги
Играет солнце.
Кошмары

Фонари дразнили полночь
И шутили до зари.
Окажите Люське помощь,
А не рвите горло в крик.
И прошу, глядите в оба,
Не пускайте к ней ребят.
Даже чопорные снобы

Млеют, глядя на тебя.
Я проснулся, шорох листьев
И луны – блудницы бег.
Надоело веселится
В листопад и первый снег.
Жизнь кипит под фонарями:
Снег пушистый лист резной.
Небо в звездах, как салями
И – сердечный непокой...
Ночь без сна, бурленье страсти,
Сам себе к утру боюсь.
Да и ты лежишь, «как здрасте»
Ну расслабься, слышишь, Люсь.
Лесной диалог

Листовою золотился лес
Шуршали, высыхая листья...
И чудно-чудный рыжий блеск
Сиял под солнцем шкурой лисьей.
Пахнуло прелостью грибной:
Благоухает бабье лето!
И дарит людям полузной
Такая добрая планета.
Блестела и звала вода
Озер таинственно – красивых.
Лесному братству божий дар:
Сосняк и груздевой осинник.
Мой тихий мир, моя Россия:
Леса и реки, и поля

От Колымы под снегом синим
До недоступного Кремля...
Косым, безжалостным дождем
Всплакнула недотрога – тучка.
Чего – то не понятно ждем,
Надеемся порой на случай.

Рассвет реален... Желтая свеча
Едва горела, теплилась, погасла.
Я – к образам, долил в лампаду масла,
И взгляд коснулся твоего плеча.
Прости, Господь, греховный мой порыв:
Моя любовь живет в плену подушки,
На курьих ножках в маленькой избушке,
Точеное плечо полуоткрыв...
Я поцелую обнажу твой сон,
Коснусь груди несмелую рукою
И тихий вскрик губами успокою,
Души внимая полустон.
Как одинока бледная звезда,
Едва мерцает тусклою свечою.
Мне хорошо и трепетно с тобою,
И не страшит незримая беда.
Цветок лампы лики шевелит.
И мы очнулись, утро входит в окна.
Восходит солнце, в облаках измокнув,
Опаловых кровей александрит...

Я глаза в окно, через тучи...
Облака руками разгребаю.
Звезды от тоски собрались в кучу,
Одноглазо с высоты кивают.
Звездам хорошо, прохладно, тихо.
Звезды холодком согреют плечи.
У окна грущу осенней птицей:
Крылья поломал, без крыльев легче...
Крылья не помогут... Расстоянья...
Журавли курлычат над полями
Расставанья, встречи, ожиданья.
Спит туман белесый на полянах...
Плачет сад, весенняя капель,
Чередую проплывают стаи.
Ах, какой неласковый апрель
Мне, любимая, стихи читает!
Бессонница

По утреннему льду спешит сентябрь
Пургою мокрой подновить березы.
Бесшумный лунь уносит дичь в когтях,
Готовится лесной народ к морозам.
Притих надолго поседевший лес,
Облюбовала туча холм горбатый,
И грустно дарит в широту небес
Серьезный дятел трудное стакатто.
Не можется, бессонница гнетет,
Лесной народ вытаптывает тропки.

Все движется в ночи, и все живет,
Туман укутал пеленою сопки.
Так и живем. Надеемся с утра,
Насытимся с обеда, а под вечер
Бессоннице в объятия пора.
И выставляем у иконы свечи.

У горы дремучей Лысой
Шабаш нечисти и ведьм.
Больше хари, а не лица
На ночь – боязно смотреть.
Перхоть сыплется с проплешин,
Шерсть топорщится кустом.
Господин – паскудник Леший
Дрыхнет в ельнике густом.
От кикимор не отбиться,
Как на сучке блудной блох.
Гуттаперчевые лица,
Вурдалак, что кабыздох.
Рядовых чертей и главных
На ветвях, хоть пруд пруди.
Но закон один: нет равных,
Сатана всех впереди..
Дикий хохот, визги, пляски,
Безобразный хоровод.
Это явь, дружок, не сказки.
Если смелый, что ж, вперед!

Пахнет свежей прелью,
Лист шуршит опавший.
Не разбудит трелью
Соловей из чащи.
Поредевшей кроной
Клен дрожит тоскливо.
Я стою влюбленный
В цвет плакучей ивы.
Сиротливо осень
Дарит сумрак стылый.
Серебрится проседь
На висках у милой.
Девушки – рябинки
Уронили кисти.
Ах, как зарябили
У березки листья!
Пробудился леший
На кривой осине.
Видно душу тешит
В стылой болотине.
Радостно, непросто
Жить под небом синим.
Сыплет на погосты
Стылый дождь России.
Маме

Стаял с крыш горбатых
Потемневший снег.

Поле всё в заплатах,
Словно в ключьях ваты.
Значит – быть весне!
Утром по дорогам
Чуть звенит ледок.
Выйдешь наземного.
Смотришь – у порога
Вновь упал снежок.
В чистом небе гуси
Плачут надо мной.
Выходи – любуйся
Утреннюю Русью,
Милой стороной!

Напоследок волшебного лета
Убегаю от новой любви,
Подарила нам фея карету,
Хлад измены и ярость в крови.
Цепенею от бешеной скачки,
Что нас ждет, эшафот или рай?
Рядом губы ревнивой казачки,
За каретой – собак злобный рай.
Я бросаю потухшие вожжи
И теряюсь с любимой в ночи,
Бабье лето волнует до дрожи
Боль моя, затаись, не кричи!
Рассветает. Тоскует кукушка,
Один вздох от судьбы до беды,

Колоколенка ветхой церквушки
Восстает из озерной воды.
Оберну твоё тело фатою,
Унесу в голубое жнивье...
Торжествует любовь, значит стоит
Ускользать на карете вдвоем.
Экзамен

Мы души чистые не грели
В подушках и перинах лени.
Мы знать не знали о мигрени
И знать, пожалуй, не хотели.
Сказало утро: «До свиданья...»
Катилось солнышко к комоду.
Шестидесятих лет прощанья
И в путь – к столичному бомонду...
Почти намазы, уикенды
С гранитных алтарей поэтов.
И заливался модный кенар,
И пел, и пел о том и этом...
Но наши души, как гетеры,
Феноменальны и сезамны.
Но наши судьбы – чисто стервы,
А мы – судьбе сдаём экзамен!
И ни податливое лоно,
Ни ветер, штормовой и мятный
Не бросит вдруг под пресс шаблона
Феномен лет шестидесятих...

Мир опрокинулся в туннель,
В туннель очей твоих бедовых.
Порою сине – бирюзовых,
Кристалльно – чистых, как капель.
Земля в сиреневом дыму,
По облакам катилось солнце,
Предельно знойное, как стронций,
И снизошло за Калыму...
Сорвалось в Тихий океан,
Восток вишнево накаляя,
Чуть – чуть верхушки наклоня
Мачт корабельных разных стран.
Стальной проволокой дождь
Касался трассы магаданской,
Себе казался принцем датским
Я в эту будущую ночь...
Судьба решила нам помочь,
Коснулась нежно губ любимой.
Мы страстью скованы единой
И отгоняем страхи прочь...

Задождало к урожаю или к морю,
Кисея не кисея, а просто хлябь,
Псы дворовые подняли к небу морды,
Только радует зеленым дымом зябь.
Закурчавились сережками березы,
Ранний жаворонок отбивает трель,

Не мешают жить предутренние грозы,
Не тревожит душу ситцевый апрель.
Убегают к горизонту электрички
И колеса выбивают перестук,
Ах, березоньки, любезные сестрички,
Стан ваш тонкий серебрится за версту!
Ухожу к своим, по мхам и разнотравью,
У обрыва клен торопится к ветле,
Я сегодня всех бродяг лесных поздравлю,
Я сегодня разгулялся на селе.
Словно молодец – и добрый, и былинный,
Набираюсь сил в неблизких ковылях,
Пригорюнилась не статная рябина,
Приумолкли жаворонки на полях.

Людам

Все нынче сатаной отмечены,
Златой телец смутил людей.
Воистину скандалы вечные
Мир будоражат всякий день...
В нас в каждом – Моцарт и Сальери,
Горазды все блажить и врать.
Раскроем занавеси, двери
И станем Гамлета играть!
Привыкли к незрелым путчам,
От соприсутствия бежим,
И что нам хуже, что нам лучше,
Скажи, кудесник, подскажи...

Но пустоты страшит шершавость
И черных дыр утробный зов.
Закончен век – какая жалость,
Конец надежд, конец оков!
Волнуют жимолости слезы
И в ясный день жасмина снег,
Но как всегда, шипы и розы
В венец вплетает человек.

Тяжеленной пудовой гирей,
И с души не спадает камень.
Будоражит нас ностальгия,
Возвращает в прошлое память...
Для кого-то, быть может, лучше
Демократии беспределы,
Мне сдается – тот самый случай,
Когда главное в душах – деньги.
Когда юность плечом саженым
Стар и млад растолкать готова
Ни почета, ни уваженья,
Ни душевного полуслова...
И не спорьте – не слышно песен
Во дворах, пикниках и клубах.
Да от этих лукавых пеней
Нам не выдуть и ноты в трубах...
Жили миром: дружны и наивны,
Не считали за хлеб копейки.
А сегодня – какие гривны

С молока нам подарят пенки?
Мы тупеем привычно, молча,
Но надежды пока не утратив,
Разве выжить, помилуйте, можно,
Чтоб в отчаяньи не взорати?
Вдруг покрылся платиной волос,
Что поделаешь – рановато...
Завтра встану, отдам свой голос
За достойного депутата...

Прочитаем: «Аллилуйя...»
С тихой радостью в эфир,
Только давит грех, как сбруя,
Как над Азией Памир.
Шевелим во снах перстами,
Уповая на авось,
И пожухлыми устами
С душ вымаливаем злость.
И стоим, стоим во храмах
И в церквушечке малой,
Купол неба – Бога брама
И свеча на аналой...
А неспешною молитвой
Просим Деву и Отца,
Чтоб простил мирские битвы
До последнего конца.
И поклоны бьем до плечи,
До знамения Креста,

Но молитва не утешит
За распятие Христа...
И дорогою греховной
(Трудно ныне не грешить)
Грешным телом в мир духовный,
А зачем иначе жить?
В этот мир греховно вышли,
И, привычно помолясь,
Просим: «Нас спаси Всевышний,
Светлый Бог и светлый Князь...»

Сегодня я – конференсье
И верен вычурной репризе,
Как Леонардо Моне Лизе
И как сладостна монпансье.
Изнемогаю от коллег:
Шутов, бояр и просто дурней,
Аудиторию культурней
Я жду чудес как древний грек.
Ан нет, страдальцам невтерпеж,
Им подавай веселье сразу
И я отточенную фразу,
Вонзаю в зал, как в тело нож.
Слова блестят от униформ,
И рукоплещет зал влюбленно
И чудо действия – микрофон
Звездой пылает раскаленной.
А я серьезный и смешной

Стою, чуть освещенный рампой,
И в голове стоваттной лампой
Горит памфлет очередной.

Пятью годами позже,
В начале сентября,
Я лез и лез из кожи,
Казалось мне, не зря.
Карабкался из скуки
И неконкретных дел
И мучался в разлуке,
Седеющий пострел.
И рвался, рвался втуне
Душою на восход
Туда, где накануне
Мне снился ледоход.
От фонарей и зданий,
Асфальта чешуи
Ушел без колебаний
Я на круги свои.
Не плачу, не жалею
И не кляню свой рок,
Алданская аллея
– Моей судьбы порог.

Небеса ударили дождем
По асфальту, по зонтам, по лицам,

В ближних селах дождь успел пролиться
На усталый, жаркий чернозем.
Как отрадно струи пеленой
Омывают струн антенны!
Так легко порою летний зной
Побороть водой обыкновенной.
Пыль прибило сразу и траву,
Капли дробно бьют мотив-чечетку...
Ах, какое шоу наяву
И какие молнии без счета!
Пожалел Господь сегодня всех
И Илья прогрохотал громами,
Дождь на летний зной, какой успех!
И ликует небо вместе с нами.
Дождь уходит. Радуга-дуга
Уронила цвет на плечи лета,
Чистые, умытые луга
Неземным отсвечивают цветом.

Не уснуть...
Ломается рассвет,
Радугою польхая в вечность.
Разжестокий, сатанинский век
На закат торопится, на вечер.
Древо родословное слабо:
Прадеды, деды, отцы и дети,
Не дворянской кровью, видит Бог,
Ремеслом кормились во столетьи.

И кого винить, поди – спроси,
Что завязли по уши в дерьмище,
И в больной, измученной Руси
Ветер шалый по погостам свищет.
Где они, Столыпины, князья,
Люди из народа и от Бога?
Русь многострадальная моя,
Родина от неба до порога!
Вот стою, обветренный, смешной
Перед миром, небом и Россией,
Что с державой станет и со мной,
И твоей улыбкой утром синим?

Раздираю себя до гармонии
Сострадаю, страдаю, даю,
Будоражат эфир благовония
И церквей, и тюремных кают.
Не спасешься, чудак, не открестишься
От острога и стыдной сумы,
Наша жизнь – это шаткая лестница,
Не спасает от злобной чумы.
Заставляю себя успокоиться
Пролетаю, летаю, таю,
Перестройка терновая колетя,
Где ты, птица моя Гамаюн?
Растерзаю себя, перемучаю,
Продерусь через тысячу бед
И надежде на исповедь лучшую

Обуздаю кобылу побед.

Пороки земной суеты:

Вино, сигареты, женщины,

Заполнил душу пустырь

И все мозговые трещины.

Заполнил надолго одним,

Запойным азартом без сдачи...

И вот – отовсюду гоним,

Клейменный бичом бардачным.

Как ветер лохматит висок

И космы волос небуйных,

Березы во сто голосов

Троятся в ручьях семиструйных.

Омою в святых струях

Усталые руки-ноги

И влага погонит страх,

Свои и чужие пороки.

О русская земля!

Юдоль и плаха православья.

Немею я в твоих полях

От безысходности и славы...

И так случилось, что живу

На Калке, на реке кровавой,

Где часто снятся наяву

Степные, хладные дубравы.

И князя Игоря поход,
И хитроумные хазары,
И воронья загробный хор,
И генуэзские базары.
Я помню, как Засадный полк
Изнемогал от нетерпенья.
И потому с тех давних пор
Во мне победное знаменье.
И потому, как Пересвет,
Седьмую жизнь в седле я встречу,
И встречу вещей свой рассвет
С мечом в руках, в кровавой сече.
Так встречу свой последний час
На грани искренней отваги...
Спаси и сохрани нас Спас,
Благослови святые стяги!
Шипаевой Тамаре

Светились абажурным светом
И розовели три окна.
А за окном качалось лето,
Но мне казалось, что весна...
И куст сирени возле дома
До боли с детства был знаком.
Вторая мама – мама Тома
Бельё полощет босиком.
Черёмух белое кипенье
И в малахите тополя.
Качалось лето. Воскресенье.

И отдыхала впрок земля...
И позже, где бы не трепала
Судьбина сына своего,
Я жил молитвами Урала
И к финишу спешил бегом.
И в поворотах мелким бесом,
А на глоссандо – не спеша.
С пятой сравнялась Ахиллеса
Легкоранимая душа.

Огонь трещал на голоса
И свечи ясно так горели,
И дом притих на полчаса,
Усыпан серебром метели.
В камине тлели угольки,
А за окном мороз и Святки,
Плясали девки у реки
Под плач и смех шальной трехрядки.
Гадали, верили во сны,
Пимы швыряли за заборы,
А вдруг до матушки-весны
Жених объявится нескорый?
Звук колокольчика... Мороз...
Собачий лай, чужая радость,
В далеком детстве, все до слез,
Я вспоминаю святок сладость.
Маме

Уж так ведется, шарик кружится,
За летом – осень и зима
Все покрывает белым кружевом,
Как сына простынею мать.
Я снова маленький, беспечный
Занозы, цыпки на руках,
Ладони мамины над печью,
На прядке белая мука.
И целый день – работа, школа
И день за днем летят, как дым,
Скажите сказки, скоро ль, скоро ль
Я отыщу живой воды?
И не заметно, и не слышно
На прядки мамины полью
И оботру цветами вишен,
И разожду в ночи зарю.
Но сказки выросли большими

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.